

Специфика и типы диалогических отношений в драматургических произведениях

Диалог – это наиболее естественная и широко распространенная форма речевой деятельности. Он затрагивает все сферы жизни, все уровни взаимодействия людей – от межличностных до международных. В последние годы появилось новое слово «диалогика» – пока еще не зафиксированное в словарях название науки, занимающейся исследованием диалогического общения вообще [1].

Будучи одной из форм существования языка, диалог является едва ли не самой важной областью проявления языковых закономерностей. «Только в диалоге в полной мере обнаруживается сущность языка», – утверждал М. Хайдеггер [2]. Исследования строения и функционирования языковой системы полностью подтверждают это мнение. Диалог – это конкретное воплощение языка в его специфических средствах, форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека, а если брать шире – форма существования языка. Еще Л.П. Якубинский писал, что «язык есть разновидность человеческого поведения. ...Диалогическая форма способствует протеканию речевой деятельности в порядке простого волевого действия, вне обдумывания и отбора, она способствует умалению значения речевых элементов в общем порядке взаимодействия и протекания речи вне контроля внимания и сознания, и что она лучше всего выполняется при наличии привычности речевых элементов» [3]. Из положения о том, что диалог – явление сложное и многоаспектное, вытекает и множество проблем, которые решает современная лингвистика. Наиболее важные из них – анализ речевой структуры, возникающей в результате говорения, выяснение условий возникновения и протекания диалогической речи. Эти аспекты изучения диалога тесно переплетаются между собой. В то же время в современной лингвистической науке трудно назвать область, в которой в той или иной связи не рассматривался бы диалог как специфическое языковое явление. Так, диалог является одним из объектов изучения в стилистике, синтаксисе, лингвистике текста.

В последние десятилетия достижения социо-, прагма- и психолингвистики дают возможность по-другому взглянуть на традиционные и давно изученные вопросы теории диалога, расширяют и углубляют понимание диалогичности как принципа мышления. Проблемы изучения диалога оказываются в кругу вопросов, связанных с описанием общественной функции языка.

В особом изучении нуждается и специфика диалогических отношений. В соответствии с разной трактовкой диалога по-разному определяются и отношения между его участниками. Специфичность диалогических отношений состоит в том, что их нельзя свести к чисто логическим или к чисто лингвистическим. Такие отношения возможны только между целыми высказываниями различных субъектов речи. Диалогические отношения предполагают наличие языка, так как «там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений», но в системе языка они отсутствуют, поскольку между элементами языка они невозможны, как невозможны между предметами или

логическими величинами. Универсальность диалогических отношений в том, что они пронизывают не только человеческую речь, но и всю человеческую жизнь.

В данной статье предпринимается попытка систематизации диалогических отношений. Основным критерием нашей классификации является хронотоп, под которым мы понимаем единство пространственных и временных координат коммуникантов. В результате анализа мы пришли к выводу, что все диалогические отношения можно разделить на две группы: *намеренные* и *ненамеренные*. *Намеренные диалогические отношения* – это такие отношения, при которых происходит прямой контакт между говорящими, вступающими в общение специально, намеренно и с определенными коммуникативными целями и задачами. В группе намеренных диалогических отношений мы выделяем *реальные* и *нулевые*.

Реальные диалогические отношения, которые выделял и М.М. Бахтин [4], являются наиболее простыми и наглядными и представляют собой типичный диалог, который состоит из целевых высказываний или обменов репликами между реальными субъектами – авторами этих высказываний. Говорящие, вступившие в реальные диалогические отношения, общаются непосредственно друг с другом, в процессе общения выражают свои точки зрения без ссылок на других участников диалога; при этом их пространственные и временные координаты статичны, то есть неподвижны, неизменны. Примером диалога, отражающим реальные диалогические отношения, может служить следующий разговор между героями пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных» Владимиром Робертовичем Тальбергом и его женой Еленой:

«Елена. *Кто там?*

Голос Тальберга. *Я, я. Открой, пожалуйста.*

Елена. *Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!*

Тальберг (входя). *Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.*

Елена. *Где же ты был?*

Тальберг. *В германском штабе задержали. Важные дела.*

Елена. *Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить»* [5].

Выделение реальных диалогических отношений характерно для традиционной лингвистики при узком понимании диалога.

Но в группе намеренных диалогических отношений можно выделить более сложные по своей коммуникативно-семантической структуре отношения. Вслед за М.М. Бахтиным мы назвали их *нулевыми* [4, с. 496]. С одной стороны, они не выходят за рамки отношений между репликами реального диалога, но если в диалоге объективно, ирреально присутствует некто третий, чья точка зрения раскрывается в ходе диалога, то несомненно, что этот субъект вступает в особого рода диалогические отношения с говорящими, хотя и находится в разных хронотопах с главными действующими лицами диалога. Например, в следующем диалоге из той же пьесы М.А. Булгакова в нулевых диалогических отношениях находится со всеми героями учитель пения:

«Николка. ...*Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос? Елена (из своей комнаты.) У кого? У тебя? Нету никакого.*

Николка. *Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между тем, Алеша, мне учитель пения говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».*

Алексей. *Дурак твой учитель пения.*

Николка. *Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме...»* [5, с. 6–7].

Нулевые диалогические отношения проявляются там, где один из говорящих в той или иной степени стремится заявить, утвердить свою точку зрения

и в то же время проверить ее чужим мнением, чужим словом. В этом отношении весьма характерна сцена из первого акта пьесы М. Горького «На дне»:

«Актёр (громко, как бы вдруг проснувшись). *Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...*

Сатин (улыбаясь). *Органон...*

Актёр (настойчиво). *Не органон, а ор-га-...низм...*

Сатин. *Сикамбр...*

Актёр (машет на него рукой). *Э, вздор! Я говорю – серьёзно... да. Если организм – отравлен... значит, – мне вредно мести пол... дышать пылью...*» [6].

Данный пример примечателен еще и тем, что в нем сталкиваются диалог внешний и внутренний, «свой» и «чужие» слова. Это переплетение «своей» и «чужой» речи в диалоге может принимать самые разнообразные формы, к числу которых можно отнести цитирование, косвенную, прямую и несобственно-прямую речь, повторы, цитатные вопросы, наличие пословиц, поговорок, афоризмов. Точка зрения «третьего», не участвующего непосредственно в диалоге, так называемое «чужое слово», принимается как знак некоторой жизненной установки, предопределяющей линию поведения коммуникантов.

В современной лингвистике диалогические отношения рассматриваются намного шире и выходят за рамки отношений между репликами реального диалога. Они многообразнее, сложнее, их нельзя понимать упрощенно и односторонне, т.к. разговор – это лишь один аспект диалога, другой, не менее важный, – это обмен. Диалог присутствует на всех уровнях обмена – между словами в языке, людьми в обществе. Язык – это только один из нескольких путей проявления диалогических отношений в большом диалоге, которым является наше существование. Особой формой диалогичности являются *ненамеренные диалогические отношения*, при которых не существует прямого и непосредственного контакта между говорящими и не ставится задача решения какой-либо коммуникативной цели. Порождать такого рода отношения может общность проблемы или любая смысловая соотнесенность (хотя бы частичная), при этом совсем нет необходимости для коммуникантов находиться в одном хронотопе, так как если любые высказывания в речевом общении сопоставляемы в смысловой плоскости, то они неминуемо вступают между собой в диалогические отношения. По мнению М.М. Бахтина, диалог – это встреча двух сознаний. С его точки зрения, недиалогической речи нет, любой текст всегда «двупланов», «двусубъектен». Необходимое присутствие партнера представляется им как возможность, которая может быть рано или поздно реализована, то есть партнер понимается в широком плане как человечество [4]. М. Холквист, один из продолжателей бахтинской теории диалогизма, очень верно отмечает, что «нет слова, направленного ни к кому» [7].

Среди ненамеренных диалогических отношений мы условно выделяем *пространственные* и *текстовые*. В *пространственные диалогические отношения* могут вступать люди, друг о друге ничего не знающие и никогда друг друга не видевшие, иными словами, живущие в разных хронотопах. В качестве примеров пространственных диалогических отношений М.М. Бахтин приводит «диалоги мертвых» у Лукиана и из литературы XVII века, а также обзоры по истории научного вопроса, при которых происходят сопоставления высказываний ученых, которые не знали друг о друге и не могли знать [4, с. 495]. Считать тексты прежних эпох «мертвыми» нам кажется неправильным и несправедливым, поскольку данное утверждение принижает их значение и влияние на современный литературный язык. Действительно, круг их создателей, так же как и читателей, замкнут навечно, но благодаря доступности таких текстов уровень

развития языковой личности читателя становится выше и происходит более глубокое осмысление системы языка в ее статике и динамике.

К пространственным диалогическим отношениям можно отнести и выделенный С.Т. Вайманом транстекстуальный диалог, который он считает характерным для чеховских пьес [8]. Ученый в своем исследовании доказывает, что А.П. Чехов культивирует новую форму человеческих отношений: «...его персонажи и впрямь общительны, но не в традиционном, а в каком-то ином смысле. Можно ведь допустить, что люди лучше слышат друг друга не тогда, когда стоят рядом и общаются в тесноте прямого диалогического контакта, но в отдалении друг от друга, вне визуальных «касаний». Слышат не ушами, а «всем собой», предельно напрягая внутренний слух и чутко проектируя в своем сознании – по логике уже сложившихся отношений – варианты переброса и размена реплик» [7, с. 331]. Чтобы подтвердить эту мысль, С.Т. Вайман анализирует начало пьесы «Три сестры». На сцене – Ольга и Ирина:

«Ольга. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет. (Часы бьют двенадцать.) И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно...» [9].

Формально Ольга обращается к Ирине. Однако неясно, зачем Ольга сообщает Ирине то, что ей хорошо известно? Со дня смерти отца прошел всего один год, какие-то частности позабыты, но главные события не могли стереться из памяти взрослых дочерей и продолжают их волновать. С.Т. Вайман предполагает, что в диалоге с Ириной Ольга адресуется не только к ней одной, но еще к кому-то, как бы поверх нее. Интересно, что в одной из постановок этой пьесы В.И. Немирович-Данченко рекомендовал актрисе, игравшей Ольгу, вообще в этой сцене не «вспоминать», а «просто говорить». Очевидно, режиссер уловил в этом фрагменте еще что-то помимо прямых констатаций. «Просто говорить» – значит говорить ненаправленно, – в тайной, бессознательной надежде на то, что слово само настигнет своего адресата» [8, с. 319]. Примечательно и то, что сходную режиссерскую трактовку этой же сцены предложил другой выдающийся режиссер – Г.А. Товстоногов. Реплику Ирины: «Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и – в Москву...» он советовал исполнять не как прямой отклик на слово Ольги («И только растет и крепнет одна мечта...»), а «в пространство», то есть не в сторону сценического партнера, а по направлению к какой-то загадочной дальней черте. С.Т. Вайман говорит о том, что его не покидает ощущение, что персонажи А.П. Чехова зачашую говорят мимо или поверх друг друга: «В чеховском мире вовсе неважно, что фонетически ты сейчас не услышан, – ведь, помимо фонетики, слово удерживает в горсти массу других атрибутов – тайных разносчиков смысла, каким-то образом настигающих адресата, – оно трансформируется в мимику,

жесты, поведенческие «рисунки» в действиях других героев, чутко схватывающих и невольно сеющих его на диалогических просторах» [8, с. 332].

Транстекстуальный диалог – это свободный переброс значений и смыслов поверх «локальных» речевых контактов, при этом один из коммуникантов реально существует, а другой абстрактен, его наличие лишь предполагается. Находясь в разных хронотопах, говорящие вступают в диалогическое общение, поскольку их высказывания сопоставимы в смысловой плоскости. Это свидетельствует о том, что транстекстуальный диалог можно отнести к ненамеренным пространственным диалогическим отношениям.

Нами уже отмечено, что диалогические отношения выходят за рамки диалогической речи, так как «услышанность как таковая является уже диалогическим отношением» [4, с. 499]. В современной лингвистике принято считать, что диалогические отношения устанавливаются не только внутри одного текста, а также за его пределами. Вся мировая литература трактуется как диалог. Художественные образы в произведении не статичны, а динамичны, то есть они вступают друг с другом в сложные смысловые отношения особого типа, определяющие замысел автора. На современном этапе текст-произведение понимается как диалогическая встреча двух субъектов – автора и реципиента, погруженных в определенный культурный контекст. Поэтому четвертый тип диалогических отношений, выделенных нами, мы назвали *текстовыми*. Они принципиально отличаются от первых трех типов, поскольку, с одной стороны, затрагивают отношения внутри одного отдельно взятого текста, следовательно, они замкнуты в текстовом пространстве, а с другой стороны, выходят за его рамки, т.к. любой текст направлен на получателя (читателя, литературного критика, режиссера-постановщика, актера и т.д.). Восприятие художественного текста – это процесс и результат речемыслительной деятельности читателя, направленной на постижение действительности через текст и на понимание текста во всей его многоплановости. Кроме того, по своей природе текст создается для того, чтобы побудить людей мыслить и возбудить в них эмоции. Таким образом, процесс чтения – это опосредованное взаимодействие автора и читателя на эстетическом, духовном уровне, при этом они не перестают быть личностями со всеми своими характерными особенностями. Следовательно, отношения между автором текста, художественными образами произведения и читателем можно тоже определить как диалогические в широком смысле, а точнее – текстовые диалогические отношения.

Таким образом, приведенный анализ показывает, что в драматургических произведениях можно выделить реальные, нулевые, пространственные и текстовые типы диалогических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лагутин, В.И.** Проблемы анализа художественного диалога / В.И. Лагутин. – Кисинев: Штиинца, 1991. – С. 3.
2. **Heidegger, M.** Being and time / M. Heidegger. – N. Y., 1982. – С. 264.
3. **Якубинский, Л.П.** О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17, 53.
4. **Бахтин, М.М.** Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – С. 495.
5. **Булгаков, М.А.** Пьесы / М.А. Булгаков. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 13.
6. **Горький, М.** Собр. соч.: в 18 т / М. Горький. – М.: Худ. лит-ра, 1963. – С. 90. – Т. 16.
7. **Holquist, M.** Dialogism. Bakhtin and his world / M. Holquist. – London and N. Y.: Routledge, 1995. – С. 27.
8. **Вайман, С.** Мерцающие смыслы / С.Т. Вайман. – М.: Наследие, 1999. – С. 318–337.

9. **Чехов, А.П.** Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1978. – Т. 13. – С. 119.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of dialogue and dialogic relations in modern linguistics. The author makes an attempt to classify dialogic relations and distinguishes two groups: intentional and unintentional. Real and zero relations refer to the group of intentional relations, spatial and textual – to unintentional. The research is based on the texts of dialogues from A.P. Chekhov's, M. Gorkiy's, M.M. Bulgakov's plays.

Поступила в редакцию 27.10.2008